

Помидоры / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Помидоры / рассказ ПОМИДОРЫ

Ещё только середина апреля, а рассада помидор уже вымахала на полметра. Сидят в пивных стаканчиках, худыми змеями корней упираются в прозрачные стенки. Дистрофичные стебли тянутся к свету, стелются по оконному стеклу, цепляют сероватую занавеску. Того и гляди – переломятся. Им тесно, душно, нужно пересадить.

Хризантема, тоже переросток, уже подкралась к оконной ручке. Две огромных ветви, и ни единого намёка на бутоны! Такими темпами доберётся до потолка, и жёлто-малиновые цветы, если будут, упрутся в потрескавшуюся побелку.

Гиацинт ожил. Всю зиму из луковицы торчали два полусухих листа, а между ними – дырка, из которой смотрела темнота. Сама луковица, покрытая рыхлой тёмно-серой кожей, была мягкой. Словом – не жилец. А теперь из отверстого нутра показалась свежая зеленая шишечка – будущий бутон. Потихоньку вылезал из убежища. Не залить бы. Не пересушить бы.

Фиалки цвели уже четвёртую неделю и, наверное, до второй-третьей недели мая продержатся, а, может, и до июня.

Нина доставала из шкафа в тёмном коридоре мешки с землёй, чтобы пересадить помидоры, но раздался телефонный звонок.

Звонила Сонечка.

Сонечке, как обычно, срочно нужна помощь. У Сонечки через три дня концерт, а платье вдруг усохло и не застёгивается на рыхлом тельце. Нужно срочно перешить! А кто, как не Нина, может помочь? Нина ведь мастер на все руки.

– Поможешь? – спросила Сонечка.

– Помогу. Привози своё платье. Посмотрю, – ответила Нина.

Сонечка замялась. По паузе в трубке Нина поняла, что помидоры сегодня не пересадить. Так и будут тесниться в маленьких пивных стаканчиках. Что поделаешь? Стаканчики побольше в магазине не продавались.

– А ты не можешь сама подъехать? – Сонечка уже справилась с волнением. Голос её, как обычно, беззаботно-весело звенел. – Мне просто нужно ещё маме помочь, а к тебе мне далеко ехать, всё не успею, а нужно всё успеть.

Нина вздохнула: «А мои помидоры?»

Сонечка будто прочла её мысли:

– Да, ладно тебе. Это ведь не сложно. Мы же подруги.

– Ладно, сейчас соберусь, приеду.

Нина убрала мешки с землёй. Помидорной рассадой можно заняться и вечером. Ничего, переживут. Сегодня только суббота. Если что, то можно и завтра пересадить. Хорошо: выходных – два дня. Сонечка жила на другом конце Москвы, от метро – пятнадцать минут на автобусе. Апрель, как назло, выдался холодный, почти зимний. Дождь лил без остановки, злой, обиженный ветер кусался, и на улице стояла вечерняя темень. А ведь только одиннадцать утра!

Недели две назад, когда мимолётно потеплело, Нина убрала ботинки на меху и теперь ходила в простых замшевых и потрёпанных. В зимних ботинках было слишком жарко на работе, а в замшевых – вполне нормально, ни жарко, ни холодно. Но только не в дождь!

Пока Сонечка путано объясняла, как дойти от автобусной остановки, Нина продрогла и уже не чувствовала ног. Два раза переходила одну и ту же улицу, оба раза наступив правой ногой в лужу, да в такую глубокую, что ещё чуть-чуть и вода бы залилась в ботинки. Нина бегала вдоль дома, искала нужный подъезд, ветер ломал зонт, выгибая наизнанку, но Нина не сдавалась. Ведь обещала! Ведь нельзя же подвести.

Наконец, оказалось, это два разных дома, притулившихся друг к

другу вплотную, и первый подъезд – это не крайний, а тот, что у арки, там заканчивается один дом и начинается второй.

В квартире у Сонечки соседствовали теснота и суматошность, вещи валялись тут и там, хаос порождал сам себя, выплёвывая из тёмных углов клубки пыли, лампочка перегорела, куртки висели одна на другой на единственном крючке, второй отломанный валялся на полу. Овечья шаль, которую Нина одолжила Сонечке в прошлом месяце, скомканная валялась в углу. Недели две назад Нина спрашивала насчёт шали, но Сонечка клялась и божилась, что забыла шаль у мамы в Нижнем.

Сонечка позвала на кухню к невымытой посуде и пустому холодильнику. Занавески давно канули в неизвестность, оконное стекло забрызгано каплями компота, угол подклеен армированным скотчем.

– Вот, – протянула платье.

– Примерь, посмотрим, где мало, – сказала Нина.

Сонечка переоделась. Платье – мало. И тело вываливалось из него гамбургерами и пирожками.

– Сможешь перешить?

Нина с грустью смотрела на платье. И каким чудом его перешить? Молния на спине не сходилась. Вставить бы по бокам полоски шириной сантиметров пять-шесть. Только вот где ткань взять? От юбки отрезать?

Тогда – юбка слишком короткая. А у Сонечки – толстые, будто опухшие колени, куда ей короткие юбки?

– Ткань у тебя есть?

Сонечка недовольно помычала.

– Ты не сможешь купить? А то я не разбираюсь.

– Хорошо, я съезжу, – вздохнула Нина. Всё равно день испорчен. Чего уж там. Можно и добить. К тому же Сонечка и правда не разбирается в тканях, лучше уж самой, а то купит какую дрянь.

– Вот спасибо! Давай, ты уж не подведи, – Сонечка засияла беззаботной улыбочкой.

– А деньги на ткань?

Сонечка опять замялась.

– Знаешь, мне пока не выдали зарплату. Но свои люди – сочтёмся, ведь.

Нина кисло кивнула. Разве Сонечка когда-либо помогала? Ах да, Нина же не любит просить помощи. Никогда ничего не проси, не так ли? Вот Нина и не просила. Как-то язык не поворачивался. Не хотелось быть обязанной. Ведь тогда надо чужие интересы ставишь выше своих. Если ты должен, ты не имеешь права подвести. А это не всегда удобно. Поэтому Нина избегала просить помощи и уж тем более принимать её, если кто-то протягивал.

«Так какого чёрта я тут делаю?» – устало подумала Нина.

С Сонечкой Нина дружила года три. Поначалу Сонечка расположила к себе вечным позитивом, силой духа, никогда не унывающим характером. Нине хотелось, чтобы лучи вечно счастливого солнца касались и её вечно хмурого лица. Но чем дольше Нина общалась с Сонечкой, тем больше понимала, что солнце светит, но не греет.

Жизнь Сонечки была проста: в ней не было ни одного чёрного пятна. А если на горизонте и намечалась туча, то Сонечка смеялась ей в лицо, и туча превращалась в кремовое облако.

Когда Нина жаловалась на то, как тяжело совмещать работу и учёбу, Сонечка смеялась непонимающее: «Да ладно тебе! Прорвёмся! Пойдём погуляем!» У Сонечки волшебным образом находилось время на всё: и учиться на заочном, появляясь в институте две недели в год, и работать на полставки в офисе, и подрабатывать няней, и вожатой в лагере, и фильмы смотреть, и стихи писать, и фотосессии устраивать, а уж сколько времени и сил она вложила в раскрутку своих социальных сетей! Словом, Сонечка была как вулкан полна энергией.

Нина часто грустила о жизни, о мелких склоках с матерью, о невозможности исполнения всех желаний, о неудачах, о пустоте бытия... А тут – эта Сонечка, не знающая, что такое неудача. Беды с ней просто не случались. Ух, как же Нину это иногда выводило из себя! Хотелось взять и – впрочем, что «и», Нина так и не могла понять.

Нину жизнь мотала как маленький плотик в шторм, и ей хотелось прибиться к тихому острову. Сонечке же не просто нравилось болтаться в шторме, и она, не понимая опасности, как ведьма, сама призывала шторм, и себе, и окружающим. Суета была её стихией и придавала ей сил. Нину суета душила.

Но сколько бы разочарований ни приносила дружба, Нина никак не могла сказать: нет.

Она сняла с подруги мерки и поехала за тканью к чёрту на кулички. Дождь ещё яростно веселился, град звонко стучал по вывернутому наизнанку зонту. Магазин с тканями находился в низине, куда натекла вся вода с города. Вода залилась в ботинки. Пальцы от холода онемели. «Зря я не попросила у Соньки теплые носки на смену, она бы дала, наверное». Нина могла бы выбрать и другой магазин, но всегда покупала именно здесь. Во-первых, недорого, а денег лишних нет. Во-вторых, других магазинов Нина не знала, потому что привыкла к этому. Вернулась домой уже поздно, под вечер. Стебли помидор грустно прислонились к стеклу и смотрели, как стекают струи воды. Шишечка гиацинта осторожно выглянула из убежища ещё на полмиллиметра. Фиалки цвели огромными цветами, такими большими, что казалось, тоненькие веточки вот-вот обломаются.

Телефон мерзко пикнул, известив о том, что пришло новое сообщение. Писала Сонечка: «Нинка, выручай, подруга! Завтра до 12 успеешь всё сделать? А то мне срочняк надо на малую родину уехать».

Устало Нина напечатала: «А концерт у тебя где?»

Мокрых ботинок она ещё не сняла, изуродованный зонт бросила в коридоре, и лужа расплзлась по линолеуму, она потом засохнет и сольётся с узором. Пальцы ног всё ещё были мертвы и на тепло

не реагировали.

«Дома, в Нижнем. Я чё-то закрутилась и забыла сказать, что мне завтра уезжать. Сорри».

«Попробую успеть», – написала Нина.

«Чмоки».

Времени злиться у Нины не было. Работы предстояло много! Это не шутка – распороть платье, раскрыть купленную ткань, приметать ровненько и аккуратненько (всё-таки человек на концерте будет выступать, нужно, чтобы идеально!), прошить, обработать на оверлоке швы (сначала со слезами побороться с капризной машинкой, которая постоянно рвёт нить), разгладить швы, попереживать: «А вдруг что-то не так? Как жаль, что нельзя ещё раз примерить!»

Спать Нина завалилась около половины четвёртого, поставив будильник на девять утра, натянула повыше одеяло и забылась нервным сном. Тело бил озноб. Ноги мёрзли. Сил думать или видеть сны не было.

Утром опять затрещал телефон. Сначала будильник – Нина тяжело села в постели, облизнула пересохшие губы, с трудом открыла закрывающиеся глаза. Потом – оповещение о новых сообщениях.

– Снова Сонька, – вздохнула Нина. Но писала не Сонечка, а парень, с которым Нина неделю назад познакомилась в кафе. Они познакомились бегло. В переполненном кафе за одним столиком случайные соседи съели по куску пирога, обменялись контактами и каждый побежал в свою сторону.

«Нина, здравствуй! Как дела? – писал парень, Нина не помнила его имени, а в соцсети он был под дурацким подростковым ником. На самом деле, Нина и встречу, и разговор, и внешность его смутно помнила, и не вспомнила бы, если он не напомнил. Жизнь со всей своей суетой проносилась мимо Нины, оставляя в её памяти лишь скупые мазки. – Я тут полазил по твоей страничке в сети. Смотрю, ты рассказы пишешь. Здорово! Молодец, что словом владеешь».

«Спасибо большое, очень приятно», – устало напечатала Нина. А рассказы все были старые или случайные, как будто вырванные из контекста.

До встречи с Сонечкой оставалось два часа. Надо полить помидоры и цветы, закинуться бутербродами и ехать. Земля у растений уже высохла, только в горшке у гиацинта блестела влага. Не залить бы этого несчастного страдальца.

Телефон пикнул.

«А ты не сможешь мне помочь? Я тут сайт делаю, но никак не могу придумать классный текст. Надо же, чтобы посетителя сразу цепляло. Может, поможешь?»

«А что у тебя за тема?» – Нина отложила телефон на стол, достала бутылки с отстоявшейся водой и стала переливать в лейку с длинным носиком.

«Автосервис открываю. Поможешь?»

«Я не разбираюсь в машинах».

«Да, там всё просто. Я тебе расскажу, а ты напишешь красиво. Тебе же не сложно. Ты же писатель!»

«Сегодня не смогу. Давай в другой раз», – ответила Нина, а сама застыла с бутылкой. Забыла, какие фиалки поливала, а какие ещё нет. Пришлось просовывать палец под сочные тёмно-зелёные листья и щупать. Потом Нина поняла, что так и стоит с лейкой в руках, и роет пальцем землю, и уже не помнит, сколько так стоит.

«Давай вечером встретимся!»

Позавтракать Нина уже не успевала: вместо готовки яичницы печатала сообщения на телефоне. На последнее сообщение не ответила, хотя усталый ответ, как умирающая от непогоды плеча, кружился в голове. Кружился буквами, словами, а после распался на неясные полу-символы, полу-значки.

Когда Нина почти добежала до вокзала, где встречалась с Соней, позвонила мама. Нина бежала. В одной руке держала пакет с Сонечиным платьем, в другой – сумка упала с плеча на локоть. Кое-как исхитрившись, как акробат, Нина вытащила мобильный телефон.

– Нина, я сейчас в окошко смотрела на твои помидоры, – сразу же начала мама. Они жили в соседних домах и могли подглядывать в окна друг друга. – Слушай, ну, это какой-то кошмар! У тебя уже такая высокая рассада. Ну, зачем она тебе? Представляешь, летом до потолка вымахает! Что ты будешь с ней делать?

– Урожай собирать, – отмахнулась Нина, высматривая в толпе Сонечку.

– Нина, ну какой урожай? Не вырастет у тебя ничего. И вообще – это несовременно. Что ты всё сельским трудом занимаешься? Девушка должна маникюрчик делать, а ты какие-то помидоры выращиваешь. Выброси уже...

– Мам, мне некогда. Пока.

Мама ещё что-то говорила в трубку, но Нина уже нажала на красную кнопку. Мама всегда говорила одно и то же, и Нина давно её не слушала, так давно и так крепко, что смени мама пластинку, её дочь об этом не узнает.

Сонечки в условленном месте, у памятника на привокзальной площади, не было. Зубами держа сумку, Нина вытащила мобильный телефон и напечатала:

«Ты где, Сонь?»

Сонечка долго не писала, затем пришла виноватая эсэмэска.

«Сорри! У меня планы поменялись. Надо срочно к сестре заехать было».

Вздыхнув, Нина напечатала.

«А платье?»

«Давай в другой раз. Я уже в поезде. Сестра-то у меня во Владимире живёт. Я утром билеты поменяла. Пораньше поехала. Тут, короче, эпичный форс-мажор. Потом в сториз расскажу».

Нина медленно зашагала в сторону торгового центра и фастфуда.

Немного подумав, Сонечка прислала ещё эсэмэску.

«Нин, а ты можешь моё платье срочной почтой в Нижний отправить?»

«Да, без проблем», – беззаботно написала Нина. В фастфуде она взяла огромную колу, ролл с курицей, пирожок и мороженое. И чуть подумав – ещё картошку с сырным соусом. Устроилась поудобнее, бросила небрежно пакет с платьем, тот привалился к ножке стола.

Ела Нина очень медленно. Обмакивала картошечку в сырном соусе, неторопливо закладывала в рот, и смотрела на других посетителей. Кто-то ел быстро, почти не жуя, механически, иногда роняя на поднос кусочки салата. Некоторые, сидя друг напротив друга, ели неторопливо, больше разговаривая.

На Нину никто не обращал внимания, и она наслаждалась шумом. Люди мимо шуршали пакетами, стучали каблуками, скидывали с себя тяжёлые шерстяные шарфы, со скрежетом отодвигали стулья, плюхались, жевали, кричали «свободная касса», а Нина никому не нужна была.

Ближе к двум часам Нина закончила обед, аккуратно запихнула все обёртки в стакан от колы. Спустилась в метро.

В вагон Нина заходила медленно. И вовсе не из-за невоспитанности. Кроме случайного обеда в фастфуде, секунда или две, чтоходишь в полупустой вагон – это тот сокровенный момент, когда вырываешься из суеты. Видишь, что перед тобой никто не входит, что двери только что открылись, и понимаешь, что на посадку – много времени, а значит, можешь позволить себе выдохнуть, расслабиться, на две секунды, никуда не торопиться, войти в вагон медленно, как человек, у которого всё под контролем и который никуда не спешит.

Едва Нина села на свободное место, как прозвонил телефон. Это пришло оповещение о новом сообщении в соцсети. Нина лениво зашла на страничку и тяжело вздохнула.

Писал Рома и спрашивал, в силе ли их сегодняшнее свидание? Рома – не тот парень, который утром про текст для сайта спрашивал, а другой – напрочь вылетел у Нины из головы. Если бы он не объявился, Нина бы о нём и не вспомнила. Отказываться было неудобно, ведь договаривались заранее, и Нина тогда яростно убеждала вежливого Рому, что в следующее (уже это)

воскресенье абсолютно свободна. И забыла. Работа, шеф, вернее, шефесса требовала какой-то отчет аналитический по продажам в Ашане, который Нина не понимала, как составлять, но «тебе же это в прошлом месяце показывали», ага, показывали, бегло, раз-два и готово, а то, что Нина отродясь не умела делать сводные таблицы в экселе... В общем, к воскресенью Нина напрочь забыла о Роме.

Договорились встретиться через полтора часа. Заехать домой переодеться и избавиться от пакета с Сонечкиным платьем – времени не было. Нина вернулась в торговый центр и зашла в туалет, достала из сумки косметику и расческу. Через полчаса она готова: глаза подведены, стрелки нарисованы, ресницы черны-длины, на губах тёмно-малиновая помада, волосы расчесаны и переброшены через левое плечо.

Нина ещё немного походила по торговому центру, вздыхая. Бывает, время вроде есть, но, чтобы доехать домой – мало, а ехать на свидание – ещё рано. Эх, сколько времени зря утекает! Но хоть бежать с высунутым языком никуда не надо!

«Почаще бы так! Или нет?»

Свидание с Ромой первые полчаса было интересным. Он рассказывал о работе, о дизайне промышленных комплексов. Нина слушала с удовольствием его мягкий, обволакивающий голос, иногда поглядывала на огромный букет роз. Смущало, что, торжественно подарив букет, Рома сразу же обхватил растерянную Нину за плечи, быстро вытащил из кармана телефон и сделал несколько селфи, затем уверенными движениями загрузил фото в инстаграм. Наконец, Нина устала слушать рассказы о Роминой работе, и ей захотелось вставить хоть слово. Она несколько раз открывала рот, но Рома ни на секунду не замолкал. Если Нине и удавалось выдать из себя звук, то Рома тут же хватал её за руку и говорил: «Извини, что перебиваю, сейчас вот вспомнил классную историю...»

Домой Нина возвращалась разочарованной. Ей казалось, что свидание прошло мимо неё, только чуть-чуть зацепило букетом

роз.

Букет был тяжёлым, нести его неудобно, тем более что ещё приходилось тащить пакет с Сонечкиным платьем, которое вдруг стало стопудовой богатырской кольчугой. Автобус не показывался на горизонте, наверное, все водители уже спали, и Нина шла пешком, временами останавливаясь и поправляя норовившие выскользнуть из рук вещи, и дорога казалась невыносимо длинной, как две или три привычных.

Свет фонаря падал на мусорный контейнер, из которого торчали зелёные, чуть увядшие листья помидорной рассады. Нина, сначала пробежав мимо, остановилась, развернулась и осторожно подошла к мусорному контейнеру.

– Это же мои! Ну, спасибо тебе мама!

Да, они, родные пивные стаканчики, и розовыми ленточками подвязаны стебли.

– Вот не надо было давать маме ключи от квартиры.

Огляделась. На ночной улице, кроме неё, никто не томился. Уронила розы и пакет с платьем на асфальт, схватилась за стенку контейнера, подтянулась и влезла в мусор, провалилась в мешки, каблуком прорвав один, вонявший мясом. Нащупала поддон, в котором стояли стаканчики, и, стараясь не поломать и без того побитую рассаду, приподняла над мешками мусора и аккуратно поставила на край контейнера. И стала прикидывать: как лучше спрыгнуть? Перелезть? Посомневалась, всё-таки спрыгнула. Пивные стаканчики и тонкие стебли чуть пошатнулись. Нина завалилась набок, но рассаду удержала. Встала. Ох, по бедру расползётся огромный синяк.

Подобрала пакет с платьем, букет роз кинула в контейнер (всё равно Роме интересен Рома, а Нина ему нужна только собой любоваться), в обе руки взяла поддон и потопала домой.

Пикнула эсэмэска. Но Нина не стала проверять телефон. Дома поставила рассаду на обеденный стол.

Разобрала телефон, вытащила сим-карту, батарею и всё по

отдельности скинула в ящик письменного стола. Сонечкино платье быстро надела на манекен, сфотографировала, выложила фото на сайт рукоделия и шитья и написала объявление о продаже. Впрочем, на утро объявление удалила. Всё-таки чужая вещь.

Достала мешки с землёй, разложила на столе и стала пересаживать помидоры в большие горшки. Насыпала на дно землю. Взяла пивной стаканчик с длинным неуклюжим стеблем, полила водой, перевернула, надавала на дно, и ком земли и корней с лёгкостью выскользнул.

Помидоры высокие – это плохо, ещё только апрель. Нужно оборвать нижние листья, положить набок, так чтобы сантиметров десять-пятнадцать стебля шли по дну длинного горшка, а затем осторожно – главное, не сломать – загнуть стебель вверх и тщательно присыпать землёй. Так у корней будет больше места, и новые вырастут от присыпанного землёй стебля.

Вот. Хорошо. Теперь вместо полуметра помидоры – около тридцати сантиметров в высоту. Бог даст – доживут до лета, до цветения, завяжутся и заплодоносят.

Об авторе: ДАРЬЯ ЛЕДНЕВА

Родилась в Москве в 1989 году. Живёт в городе Красногорске Московской области. Учится в аспирантуре. Публиковалась в журналах «Полдень», «Мю Цефея», «Аконит», «Хоррорскоп» и др.
Neкаýalar